

С.Е. Сидорова

ВОЙ ШАКАЛОВ И ЗЛОВОННИЕ ЗЕЛЕННЫХ ЖУКОВ: БРИТАНСКАЯ ИНДИЯ НА ВКУС, СЛУХ И ЗАПАХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Британская Индия, колониализм, *гриффины*, англо-индийцы, неприязнь, эмоциональные сообщества, *габитус*

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проблемам чувственного восприятия европейцами незнакомого восточного мира в первой половине XIX века. В центре внимания — группа британцев, только что прибывших с островов туманного Альбиона на колониальную службу в Индию и за свою неприспособленность к чуждым условиям получивших прозвище *гриффины*. На примере анализа двух источников — личных писем Джулии Мэйтленд из Индии в 1836–1839 годах и бурлескной поэмы «Гриффин Том Роу» 1828 года анонимного автора — исследуются эмоциональные практики в зоне столкновения европейской и индийской культур, а также механизмы адаптации *гриффинов* к новой звуковой, обонятельной, тактильной, визуальной и вкусовой колониальной реальности и их интеграции в группу уже пообывкших англо-индийцев. Испытываемые на чужбине телесные «потрясения» и привезенные из Англии предубеждения против другого способа жизни и образа мыслей, взаимно подпитываясь, задавали вектор негативизации эмоций *гриффинов*, которые варьировались от раздражения до отвращения и ужаса. Эти эмоции, намеренно культивируемые и поощряемые англо-индийским сообществом, помогали сохранять дистанцию между представителями политически доминирующей иностранной элиты и подвластного местного населения, обеспечивая первых инструментом демонстрации цивилизационного превосходства и легитимируя их право контроля и вразумления вторых.

В 1828 г. в Лондоне вышла в свет бурлескная поэма анонимного автора «Гриффин Том Роу»¹. Главный герой —

1 Tom Raw, the Griffin. 1828.

юный неопытный кадет (о чем говорит его фамилия: *raw* — сырой, необработанный, необученный), только что прибывший с островов туманного Альбиона на колониальную службу в Индию, попадает в совершенно незнакомую ему обстановку, что приводит к череде комичных ситуаций. Поэма снабжена большим количеством иллюстраций, на которых Том предстает в нелепых позах, с выпученными глазами, открытым ртом, всем видом демонстрируя непонимание и неспособность к новым обстоятельствам жизни. Подобные Тому Роу неофиты столь сильно отличались поведением и манерами не только от местного населения, но и от своих, уже пообвыкших соотечественников — англо-индийцев², что получили специальное прозвище — *гриффины*³, а разница между ними даже стала поводом для появления объемного литературного произведения. В то время как автор поэмы, подчиняясь заданному жанру, описал мытарства вымышленного героя в начальный период пребывания в Индии в легком, шутливом тоне, реальные персонажи, действовавшие на колониальном поприще, в своих письмах, дневниках, мемуарах рисовали опыт превращения из *гриффинов* в англо-индийцев как непростой, эмоционально перенасыщенный и зачастую негативный. Личные записки,

-
- 2 В литературе встречается двоякое употребление этого слова: 1) английские колонизаторы, долгое время проживавшие в Индии, 2) потомство от смешанных браков между англичанами и индийцами. В данной статье слово употребляется в первом значении.
 - 3 Происхождение слова неизвестно. В словаре Хобсон-Джобсон сообщается о некоем неудачливом адмирале Гриффине, который в период с ноября 1746 г. по июнь 1748 г. командовал флотом в Индийских морях, однако точная связь между этим историческим персонажем и прозвищем новичков не установлена. Первое употребление этого слова в Британской Индии зафиксировано в 1794 г. Также авторы словаря сообщили о более ранних случаях использования слова в том же значении на территории португальского Гоа (Yule, Burnell. 1996: 395–396).

относясь к категории эго-документов, позволяют сфокусироваться на переживаниях участников этого процесса. Ниже я рассмотрю в качестве кейсов два текста — письма Джулии Мэйтлэнд из Мадраса в 1836–1839 гг. и упомянутую поэму — и проанализирую описанный в них эмоциональный опыт соприкосновения с другим миром, механизмы адаптации к нему, аффективные практики в зоне столкновения европейской и индийской культур.

Гриффины и индийцы

Гриффином была Джулия Мэйтлэнд, 27-летняя женщина, которая в августе 1836 г., через два месяца после свадьбы с чиновником Ост-Индской компании Джеймсом Томасом⁴, отправилась в Индию. В декабре их судно прибыло в Мадрас. На протяжении четырех лет, проведенных в колонии, она писала на родину письма, которые и послужат источником для анализа индивидуального опыта адаптации. В отличие от мемуаров и других текстуальных «жанров» корреспонденция, фиксирующая текущие события из жизни адресанта, «схватывает» и «удерживает» свежие, сиюминутные настроения автора, его первые и непосредственные реакции на происходящее.

Впечатления буквально обрушились на Джулию Мэйтлэнд, незнакомый мир, экзотика явились ей не в виде единичной диковиной вещицы, а заполнили все ее жизненное пространство. После высадки на берег Индийского субконтинента в письме на родину она восклицала:

Я повидала уже столько диковинок (*curiosities*), что не знаю, о чем рассказать в первую очередь: фокусники, акробаты, заклинатели

4 Мэйтлэнд — фамилия Джулии по второму мужу, за которого она вышла замуж в 1842 г. Джеймс Томас умер в Индии в 1839 г.

змеи, местные визитеры и т.д., и т.д.; последние несколько дней были сплошной суматохой⁵.

Удивление, зафиксированное многократным употреблением слов «удивительный» (*curious*), «странный» (*queer*), «необычный» (*quaint*) в первые недели пребывания в Индии имело тональность позитивного интереса. Она писала все в том же письме: «Я думаю, Мадрас мне очень понравится, я совершенно восхищена всем, что *вижу* и *слышу* [курсив мой – С.С.]»⁶. Следуя заданной ею логике восприятия незнакомого окружающего мира, позволю извлечь из ее писем, впечатления/суждения, «добытые» в результате телесного соприкосновения с незнакомым окружающим миром, то есть сформированные органами чувств.

Поначалу, будто оглушенная встречей с неизвестным, Джулия Мэйтлэнд воспринимала открывшийся ей мир *глазами*. Все в том же письме содержатся в основном визуальные образы, описание которых выстроено в сравнении с европейским, знакомым опытом.

День, когда мы прибыли, был прекрасным — совсем не было прибой. В Англии я часто купалась в гораздо более беспокойном море. Очень любопытно, что в Мадрасе прибой, оказывается, очень сильный: волны выглядят вполне тихими, не сравнить с бурным морем Брайтона, но в действительности их мощь непреодолима. Порой я вижу с близкого расстояния суденышки, опрокинутые волнами, которые кажутся настолько приветливыми и ласковыми, что у кого-нибудь может возникнуть желание искупаться в них. Мы причалили в большой лодке с двенадцатью гребцами... их черная кожа защищала их от того, чтобы выглядеть неловко, как это было бы с европейцами, окажись они в таком оголенном виде⁷.

5 Letters from Madras. 1846: 18.

6 Letters from Madras. 1846: 18.

7 Letters from Madras. 1846: 17.

Для описания впервые увиденного, она прибегла к сказочным или сверхъестественным мотивам. Джулия рассказала о катамаранах, представлявших собой плоты из трёх бревен, которые бесстрашно устремлялись в море наперекор огромнейшим волнам. Ими управляли от одного до трёх человек. Иногда гребцов смывало в море, но они вновь соединялись с плотами «волшебным образом» (*by magic*). Они напомнили ей ведьму, которая во время шторма у берегов шотландского округа Файф совершала морское путешествие в утло суденышке, буквально проходя сквозь волны⁸.

Несколькими днями позже в том же письме Джулия уже описывала свой наполненный воздухом и сквозняками индийский дом, комнаты которого потрясали ее большими размерами, «соизмеримыми с помещениями часовен»⁹. В жаркой стране они состояли из окон и дверей, открытых день и ночь напролет. Вообще мотив больших габаритов всего и вся по сравнению с Европой довольно часто звучал в ее заметках. Например, она писала об огромных индийских скорпионах, «не таких маленьких созданиях как в Италии, а о чудовищных животных размером с ладонь»¹⁰. Она сообщала, что не смогла принять предложение раджи, у которого гостила, совершить почетную поездку на слоне:

Это было такое ужасное мероприятие, лестница для подъема столь громоздка, так много зрителей, такой плохой хаудах¹¹, а все вместе так неудобно, что я испугалась и отказалась¹².

-
- 8 **Letters from Madras.** 1846: 17. Речь идет об одном из эпизодов охоты на ведьм, развернувшейся в Шотландии в период 1560–1710 гг. См.: **MacDonald.** 2002.
- 9 **Letters from Madras.** 1846: 18.
- 10 **Letters from Madras.** 1846: 28.
- 11 Хауда(х) — сиденье в виде беседки на спине слона.
- 12 **Letters from Madras.** 1846: 65.

Помимо приспособления к другим масштабам жизни она отмечала и ее новый окрас: «индийские цвета не могут похвастаться мягкостью и светлостью итальянских. Закат иногда бывает потрясающе красив, но в целом местная гамма — насыщенная и кричащая»¹³. В самую жару море «было мертво-желтого цвета, воздух — цвета буйволиной кожи»¹⁴.

Месяц спустя письма Мэйтлэнд начали наполняться звуками, которые тревожили непривыкший к ним слух. Местные жители говорили на тамильском языке, который она находила «ужасно уродливым — гроыхающим, чирикающим, стрекочущим, шипящим — как будто целый птичий двор выпустили на волю, а среди птиц не нашлось ни одной певчей, ни одной способной выдать мелодичный звук»¹⁵. Позднее она переехала вглубь Мадрасского президентства, где был распространен местный диалект *дженту*¹⁶, «наиболее приятный из всех, хотя ни в одном нет ничего красивого»¹⁷. Вообще, именно звуки новой жизни, похоже, доставляли ей наибольший дискомфорт. Довольно подробно она описала музыкальный вечер в доме местного знатного жителя, куда была приглашена вместе с мужем. Музыку, исполнявшуюся пожилым музыкантом на *вине*¹⁸, она сочла «нехорошей, монотонной, без намека на мелодию», назвав ее «сме-

13 **Letters from Madras.** 1846: 30.

14 **Letters from Madras.** 1846: 38.

15 **Letters from Madras.** 1846: 23.

16 Слово *дженту* (*gentoo*) в колониальном лексиконе употреблялось в двух значениях: 1) как обозначение индусского (*gentoo* — искаж. от *gentile*, т.е. языческого) населения в противопоставление мусульманскому и 2) как обозначение населения, говорящего на телугу, и самого языка. Во втором значении слово имело хождение в Мадрасском президентстве, где и обитала чета Мэйтлэндов. Подробнее см.: **Yule, Burnell.** 1996: 367–369.

17 **Letters from Madras.** 1846: 92.

18 *Вина* — струнный, щипковый музыкальный инструмент, визуально напоминающий лютню.

сю гнусавого брэнчания и завывания»¹⁹. Когда же запели вышедшие вслед танцовщицы, «они орали во всю глотку, как плохие уличные певцы, производя гвалт и не создавая никакой мелодии». Затем появился целый оркестр «с разными по виду инструментами, которые, однако, издавали звуки, похожие на звук волынки — сплошное гудение и скрип. Они не рождали никакого подобия музыки. По сравнению с этим грохот, устраиваемый трубочистами 1 мая²⁰ — сама гармония»²¹. Наконец, в финале представления появился человек, который собирался имитировать голоса птиц.

К сожалению, — писала Мэйтлэнд, — мадрасские птицы кричащие, а не поющие, и мой слух был атакован криками сов, ворон, попугаев и павлинов, которые были воспроизведены с такой точностью, что я вынуждена была просить прекратить пытку²².

Регулярно по ночам ее будили ужасные вопли слуг, которые отпугивали мнимых чудовищ²³ или настоящих змей, проникавших в дом²⁴. «Дьявольские звуки» (*pishashi noise*) время от времени издавала няня ее ребенка, когда выходила на берег²⁵. По ночам во время путешествий в паланкине она приспособилась к постоянному пению носильщиков²⁶, и однажды в три часа утра пробудилась от неожиданно обрушившейся на нее «тишины и покоя»: носильщики, оставив

19 **Letters from Madras.** 1846: 27.

20 Речь идет о старинном английском празднике — Дне трубочистов, отмечавшемся 1 мая карнавальными процессиями трубочистов и музыкантов, возглавляемых человеком, наряженным в зеленый конус, который олицетворял дерево или куст (Jack in the Green).

21 **Letters from Madras.** 1846: 27–28.

22 **Letters from Madras.** 1846: 28.

23 **Letters from Madras.** 1846: 36.

24 **Letters from Madras.** 1846: 45.

25 **Letters from Madras.** 1846: 52.

26 **Letters from Madras.** 1846: 77.

паланкин воровали пальмовый сок из расположенной поблизости кокосовой рощи²⁷. Не нашла она гармонии и в религиозной службе. Как-то раз, делая зарисовки храма, она слушала ее снаружи:

сначала это было очень похоже на католическую мессу. Звучала музыка, голоса старых жрецов, которые, не умея петь, монотонно нараспев бормотали текст, высокие голоса мальчиков из хора, периодическое позвякивание маленького колокольчика; вдруг все это прервалось резкими девичьими воплями — возможно, они думали, что поют, но звучали они ужасающе, затем послышался бой барабанов, звон колоколов, и, наконец, все стихло²⁸.

Помимо кричавших слуг, певцов и птиц ее тревожил вой гиен и шакалов²⁹, «пренеприятный звук, напоминавший человека в предсмертной агонии»³⁰. В целом Джулии Мэйтленд в Индии было шумно и немелодично везде — на природе, среди господ, среди слуг, и среди индийских детей. Посетив однажды местную школу, она обнаружила, что по сравнению с ней «шум в английских школах — полный пустяк»³¹. Иногда ее преследовали звуки-фантомы: жажда прохлады заставляла ее улавливать в хрусте высохшей травы и листвы под ногами скрип снега. К этому сравнению она прибегла дважды, в июне 1837 г. и июне 1838 г., когда наступали самые знойные дни³² (Илл. 1)

Одновременно со звуками вторгались на страницы писем Джулии и запахи, заставлявшие ее морщить *нос*.

В огромных полях и садах никогда не бывает ощущения свежего воздуха — он всегда тяжелый и спертый, как на городских улицах.

27 *Letters from Madras*. 1846: 74.

28 *Letters from Madras*. 1846: 77.

29 *Letters from Madras*. 1846: 46, 57.

30 *Letters from Madras*. 1846: 57.

31 *Letters from Madras*. 1846: 23.

32 *Letters from Madras*. 1846: 38, 97.

Цветы не пахнут за исключением цветов денежного дерева, а на каждом повороте разносится запах местной стряпни, жареного кокосового масла и другой отвратительной смеси подобного рода³³.

В доме раджи, устроившего музыкальный вечер, она столкнулась с другой крайностью: слуги «принесли нам букеты роз и окропили их и наши руки розовой водой... затем на нас надели гирлянды цветов со столь сильным ароматом, что до конца следующего дня я не могла отделаться от запаха, исходявшего от моих рук»³⁴. Наибольшие неприятности ей доставляли огромные «ЗЕЛЕНЫЕ ЖУКИ» (выделено Джулией – С.С.).

Они хуже, чем змеи, скорпионы, сороконожки и даже береговой ветер. Жуки не кусаются, но наполняют воздух зловонием на ярды вокруг себя. По ночам, когда нет ветра, они заползают в одежду и волосы — ужас! Нет ничего в Индии, что я ненавидела бы больше, чем этих зеленых жуков. Первый раз, когда я не знала об их отвратительном существовании, один из них сел мне на плечо, и я, почувствовав щекотание и не подозревая об опасности, непредумышленно раздавила его. Я не забуду распространившуюся вонь до конца жизни. Пока я находилась в припадке, ама³⁵ перодевала меня³⁶.

Были, правда, и приятные впечатления: весной Джулия явственно различила аромат цветущих апельсинов и тубероз³⁷.

Реже Джулия описывала *вкусовые* ощущения, различаемые рецепторами ее языка. Она, как и большинство британцев, весьма благосклонно приняла могольскую мясную кухню и с меньшим энтузиазмом отнеслась к индусской, применительно к которой она устойчиво употребляла слово «мессиво» или «неразбериха» (*mess*). Упомянутый выше музы-

33 **Letters from Madras.** 1846: 30–31.

34 **Letters from Madras.** 1846: 27.

35 Ама — кормилица, няня.

36 **Letters from Madras.** 1846: 100.

37 **Letters from Madras.** 1846: 84.

кальный вечер завершился ужином. Сначала подали «излюбленные всеми набобами мясные блюда, карри и пловы», во вторую очередь индусские³⁸ кушанья, сервированные в плошках и соусниках. Джулия ела «за обе щеки, чтобы угодить хозяину», хотя она «почти не могла дышать из-за обилия кайенского перца³⁹». Пловы ей очень понравились, а вот среди «индусского варева ей вдруг попало что-то странное, склизкое и маслянистое», и она вынуждена была приостановить трапезу⁴⁰.

Нечто, попавшееся ей на язык, вызвало у нее *тактильные* ощущения. Однако среди последних гораздо больший дискомфорт ей доставляла жара, которую она называла тягостной, непереносимой, а ближе к лету уже сравнивала с доменной печью⁴¹. Она писала о постоянной испарине⁴², освежавших кожу потоках воздуха, создаваемых на улице морским бризом, а в помещениях — огромными опахалами; увлажнении тела мокрыми тряпками и погружении рук в воду, чтобы остудиться⁴³. Джулия отчаялась найти подходящие слова для описания зноя и констатировала, что ничего похожего никогда не испытывала в Европе⁴⁴. В противоположность морским бризам береговой ветер огромной силы, который иногда дул сутками напролет, изматывал ее и действовал удручающе⁴⁵. Именно его вместе с зелеными жуками

38 Мясо и пловы из первой подачи относились к могольской (мусульманской) кухне.

39 Сорт жгучего красного перца, разновидность чили.

40 *Letters from Madras*. 1846: 29.

41 *Letters from Madras*. 1846: 37.

42 *Letters from Madras*. 1846: 36, 47.

43 *Letters from Madras*. 1846: 24–25, 32, 36, 38.

44 *Letters from Madras*. 1846: 38.

45 *Letters from Madras*. 1846: 97.

она с горькой иронией называла «восточными удовольствиями»⁴⁶. Отдельный абзац она посвятила черным жукам, не столь ужасным, как зеленые, но, тем не менее, изрядно испортившим ей ужин с друзьями, так как они полностью облепили обеденный стол, вдобавок слугам приходилось снимать их салфеткой и десертной ложкой с плеч гостей⁴⁷. Помимо пекла и ветра ее мучили укусы москитов⁴⁸ (Илл. 2)

В приведенных выдержках из писем индийская действительность представала в ощущениях тела, распознавалась и осознавалась им посредством ответных реакций как непривычная и незнакомая. Несомненно, предложенный разбор писем Джулии Мэйтлэнд сродни лабораторному эксперименту по систематизации ее ощущений, которые в действительности вряд ли переживались по отдельности. Однако такое препарирование телесного чувственного опыта позволяет обнаружить в колониальном окружении британцев самые сильные и чувствительные раздражители и выявить наиболее характерные реакции на них. За некоторыми исключениями они по большей части оказались окрашены в негативные тона и варьировались от раздражения до отращения и ужаса.

Внимание Джулии Мэйтлэнд к собственному чувственному опыту в Индии и негативный вектор метаморфозы, произошедшей с первоначально восторженным удивлением, помогает объяснить концепция *габитуса* (от лат. — свойство, состояние, положение), предложенная французским социологом, этнологом и философом Пьером Бурдьё. Под *га-*

46 **Letters from Madras.** 1846: 100.

47 **Letters from Madras.** 1846: 101.

48 **Letters from Madras.** 1846: 25.

битусом он предлагал понимать «систему диспозиций»⁴⁹, приобретенных человеком (в его терминологии: агентом — *С.С.*) в результате опыта и, следовательно, изменяющихся в зависимости от места и времени»⁵⁰. Эти диспозиции являются продуктом усвоения (интериоризации) человеком окружающих социальных отношений и условий и одновременно механизмом их воспроизводства (экстериоризации) на практике, т.е. продуцирования стратегий, подогнанных к породившей их ситуации. Местом, в котором пребывает *габитус*, является тело человека, которому Бурдьё придавал огромное значение. Так как *габитус* реализуется в практиках агента, то это, следовательно, предполагает «инкорпорирование» внешнего мира, что проявляется «в устойчивой манере держаться, говорить, ходить и тем самым – *чувствовать* и *думать*»⁵¹. Моник Шеер, антрополог из Тюбингенского университета, вдохновленная идеями Бурдьё и разработавшая на их основе концепцию эмоциональных практик, развивает это положение следующим образом:

Люди возвращаются в своем социальном окружении, следуя манере, которая в большинстве случаев благодаря тонкостям движений, поз, жестов и выражений соединяет их с другими и одновременно показывает им, кто они есть. Эти практики не являются ни природными, ни случайными; они плоть от плоти выученного репертуара, который размещает человека в социальном пространстве и определяет его ролевое поведение. Это не простое воспроизведение норм, но то, что Бурдьё, называет «стратегией» или практическим чувством⁵².

49 В русских переводах П. Бурдьё или работах, посвященных ему можно встретить синонимичные понятия «предрасположенность», «предустановка» (*Шматко. 1998, Рыкин. 2007*).

50 Бурдьё. 1994.

51 Бурдьё. 2001: 136.

52 Scheer. 2012: 202.

Именно практическое чувство позволяет человеку исключить каждодневную привычную реальность «из круга осмысляемых предметов», и оно тем самым превращается «в социальную необходимость, ставшую природой и преобразованную в моторные схемы и телесные автоматизмы»⁵³.

Подобно другим гриффинам Джулия Мэйтлэнд выросла в Англии. Она родилась в 1808 г. в семье Шарлотты и Генри Барретов. Ее первые годы прошли в Ричмонде, недалеко от Лондона. После того, как отец потерял плантации в Вест-Индии, родители вынуждены были сдать в аренду дом и переехать с детьми на несколько лет во Францию и Бельгию, где жизнь была дешевле. Некоторое время Джулия провела в путешествиях с бабушкой, пока, наконец, семья не осела в Брайтоне, где Джулия и познакомилась с будущим мужем. Ее образ жизни (в том числе, вкусовая, осязательная, обонятельная, зрительная, слуховая обыденность) формировался на островах туманного Альбиона и в Европе, поэтому «свойства и движения ее тела, — выражаясь языком Бурдьё, — были солидарны со всей системой привычных вещей и нагружены целым множеством сигнификаций и социальных значений». Мир других вещей и отношений, в который она попала в Индии, потому и стал для нее заметным, что не поддерживал ее рутинные, доведенные до автоматизма модели существования и потребовал включения «в круг осмысляемых предметов». Рассказы Джулии о дискомфорте/неприспособленности ее тела к окружающей обстановке — свидетельство конфликта «выученного репертуара» с изменившимся окружением. По мнению Бурдьё, «присутствие прошлого» в габитусе или «инерционность первичной детерминированности (в форме габитуса) особенно хорошо

53 Бурдьё. 2001: 134.

можно увидеть именно в ситуациях, когда диспозиции действуют *несвоевременно*, а практики оказываются неприспособленны к актуальным условиям, поскольку они были объективно согласованы с условиями прошедшими или отмененными». В результате усвоенные на родине диспозиции «получают негативное подкрепление»⁵⁴. Бурдьё особенно акцентировал внимание на значении первого опыта человека, полученного в мире домашней экономики и семейных отношений и сформировавшего «структуры габитуса, которые, в свою очередь, лежат в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта»⁵⁵. Логично, что новую реальность Джулия распознавала через сравнение со знакомой ей, европейской, а сама эта реальность вызывала у нее преимущественно негативные ощущения.

Одновременно с физиологическими реакциями как результат оценивания нового мира на вид, цвет, вкус, осязание и запах, происходило его осмысление на основе привычного образа мыслей, идей, представлений, которые также были впитаны, усвоены и закреплены в качестве диспозиций на родине и «привезены» с собою в Индию. Панос Компациарис в статье, посвященной соприкосновению человека с чужим звуком говорит о гибридной природе такого опыта:

...для момента этого соприкосновения характерны подвижные и часто взаимопересекающиеся отношения между нейробиологическим (как звук воспринимается нашей нервной системой в момент его распространения), понятийным (идеи, которые вызываются актом восприятия, и их отношение со знанием) и более обширным социальным/экономическим планом (смысловые и ценностные проекции, реализуемые в контексте звучания)⁵⁶.

54 Бурдьё. 2001: 105.

55 Бурдьё. 2001: 105.

56 Компациарис. 2017.

Очевидно, что Мэйтлэнд, подобно любому человеку, одновременно принадлежала разным сообществам (в зависимости от социальной, гендерной, конфессиональной и т.д. идентичности), для которых были свойственны соответствующие, иногда накладывающиеся друг на друга диспозиции. Для контекста настоящей статьи нужно обратить на те, которые определяли ее принадлежность к имперской нации. К моменту отъезда Джулии и ее мужа в Индию в Европе и Англии уже сложилась традиция описания колониальных народов. В конце XVIII — первой трети XIX в. она укладывалась в схему «ребенок–взрослый–старик», в которой положение ребенка или старика отводилось обществам, находившимся на стадии становления или упадка, а взрослого — тем, что были на стадии расцвета/зрелости. Именно этот фактор определял разницу между цивилизованными и варварскими народами. Как пишет Маргрит Пернау, применительно к эмоциональному аспекту это означало «неразвитую способность ребенка управлять сильными чувствами и затухание энтузиазма у стариков. Этому противопоставлялось умение контролировать себя, присущее периоду зрелости»⁵⁷. «Возрастная» схема, иерархическим образом описывавшая отношения между имперским и колониальными народами, содержала в себе потенциал догоняющего развития: возможность подняться до уровня зрелости благодаря образованию и воспитанию⁵⁸. В европейских представлениях того времени варвары «не имели возможности прогресса за счет собственного труда и усердия, они нуждались во вмешатель-

57 Pernaу. 2014: 252.

58 В середине XIX в. «возрастная» парадигма сменилась «гендерной», когда западной цивилизации приписывались свойства мужскости, а восточной — женскости. Эти качества, будучи природными по происхождению, не поддавались изменению.

стве высшей силы: в конце XVIII в. эта божественная роль отводилась в частности европейскому среднему классу, а в целом — европейским колониальным державам»⁵⁹. Тексты, осмыслявшие положение и роль Англии в мире в таком ключе, включая активно обсуждавшиеся в обществе Хартии Ост-Индской компании (1793, 1813, 1833 гг.), обильно наполняли интеллектуальное пространство метрополии⁶⁰. К слову, Джулии Мэйтлэнд колониальная тема должна была быть не чужда, так как долгие годы источником доходов ее семьи были вест-индские плантации. Она ехала в Ост-Индию как жена чиновника⁶¹, т.е. как представитель правящей элиты и цивилизованной расы. В ее письмах нет прямых указаний на то, что она именно так понимала свою миссию. Однако снисходительно-ироничный, переходящий в раздражительный тон описаний образа жизни местных жителей, постоянное использование сравнений их с детьми, регулярно выдаваемая озабоченность по поводу отсутствия у них образования,

59 Pernaу. 2014: 249.

60 Работа М. Пернау построена на анализе некоторых таких текстов (в частности, выходявших в XIX в. энциклопедий). Одним из практических результатов «возрастного» подхода было принятие 2 февраля 1835 г. в Индии, за год до прибытия туда Мэйтлэндов, знаменитой резолюции Томаса Маколея, советника по юридическим вопросам при генерал-губернаторе У. Бентинке, заложившей принципы английской политики в области образования в Индии. В резолюции был сформулирован, в частности, тезис о том, что в Индии необходимо создать класс людей, индийцев по крови и цвету кожи, но англичан по ощущениям, убеждениям, этике и интеллекту. См. об этом и об английской политике в области образования в первой половине XIX в. [Сидорова. 2010].

61 Как пишет исследовательница жизни Джулии Мэйтлэнд Элисон Прайс, «к моменту отплытия в Индию вместе с Джулией он, оставив в прошлом позиции писца и младшего купца, числился в Мадрасском альманахе старшим купцом, что было самой высокой категорией для гражданских чиновников. До того, как он покинул Индию в 1833 г. он занимал должность главного коллেকтора и магистрата в Коимбаторе, третьего судьи в провинциальном суде» (Price. 2004: xiii).

активная вовлеченность в проекты по организации школ для индийских детей, где служил ее муж, заставляют считать, что она воспринимала подопечный народ в соответствии с типичными установками своего времени — по наставнически, с позиции старшего и разумного. Этот тон взят с первых же строк, подтверждая, что одобренное презрением отношение «свысока» она «привезла» с собой с родины⁶². В письме, написанном меньше, чем через месяц после прибытия в Индию, она описала местную школу, сопроводив таким комментарием:

Очень любопытно — такая ленивая и инертная раса, коей являются индусы, а сколько сил и пота они тратят на то, чтобы научиться совсем незначительному. Так мало получить (бедняжки!) за такие труды⁶³.

Сразу же по прибытии в Индию Джулию окружили многочисленные слуги из местного населения, с которыми она находилась в близком и ежедневном контакте. Необходимость налаживать с их помощью быт довольно быстро сформировали у нее мнение о непропорциональности их числа и выполняемых ими обязанностей, дороговизне их услуг, лености, медлительности, лживости, бестолковости, пугливости (*lazy, wicked, lying, inert, foolish fright*). Уже в первом письме появился отеческий мотив:

Они (слуги — С.С.) подобны детям по манере поведения: вообрази мою сорокалетнюю огромную и толстую айю⁶⁴, развлекающуюся тем, что надувает и сдувает мою воздушную подушку, пока она, наконец, не сломала шуруп⁶⁵.

62 В этом же убеждена Э. Прайс, которая пишет, что «Джулия прибыла в Индию с твердыми представлениями о расе»: Price. 2004: xvi.

63 **Letters from Madras.** 1846: 23.

64 Айя — в колониальной Индии горничная или няня.

65 **Letters from Madras.** 1846: 21.

В другой раз, уволив мальчика, прислуживавшего ее мужу, за воровство рубашек, она объясняла: «здесь принято наказывать слуг за любую провинность, как будто они дети»⁶⁶. Эпизод с воровством Джулия описала довольно подробно. Характеризуя поведение слуг во время расследования инцидента, она обратила внимание, что подозреваемый, который находился в окружении допрашивавших его слуг, «выглядел более жалко и подавленно, чем любой европеец в подобных обстоятельствах»⁶⁷. После установления виновника Джулия поведала о последовавших «странных сценах»: мальчик валялся в ногах, гладил бритую голову, целовал пол, рыдал; другие, сопричастные преступлению слуги тоже то и дело ударялись в слезы. Столь экзальтированное поведение вызвало у нее недоумение и смех⁶⁸. В тех местах писем, где речь шла об индийских помощниках по дому, упоминания об испуге и оторопи из-за их воплей, криков, стенаний, слезах о неприятии исходившего от них запаха кокосового масла и специй соседствовали с фразами, исполненными раздражения, усталости и злой иронии по поводу организации хозяйства, нерационального по трудовым и материальным затратам и утомительного с точки зрения координирования и управления. Недовольство слугами ассоциировалось с характерными, как правило, отталкивающими звуками и запахами, грязью, нечистоплотностью, хотя порой и с весьма привлекательными визуальными образами. Сопровождавших одного старого англо-индийца «прекрасных босоногих *пеонов* в красивых тюрбанах», она сравнила с бронзовыми

66 **Letters from Madras.** 1846: 33.

67 **Letters from Madras.** 1846: 33.

68 **Letters from Madras.** 1846: 33–34. Подробнее о восприятии слуг мэм-сахибами см. **Сидорова.** 2018.

изваяниями Аполлона⁶⁹. А стоявшие во время обеда в таких же тюрбанах слуги казались ей похожими на султанов⁷⁰.

Несколько иное чувственное оформление имело отношение британцев к влиятельным членам местного общества, о которых Джулия тоже сложила суждение. После встречи с одним из них Мэйтлэнд написала в письме:

Сегодня нам нанес визит богатый заминдар, или раджа... Он оставался продолжительное время и разговаривал о всякой бессмыслице, как делают все они. Поразительно, как тотальная нехватка образования уничтожила весь потенциал их интеллекта. Они говорят часами без всякой попытки высказать хоть какую-нибудь стоящую мысль и выказать искреннее чувство. Их беседа всегда не более, чем пустая болтовня и скучные банальности... Эти люди слишком темны, чтобы иметь шанс проявить свою самобытность и незаурядность⁷¹.

В другом месте она описывала встречу еще с одним раджей, которому ее муж пытался тщетно сделать христианское наставление. И далее она замечала:

сложность разговора с местными состоит в том, что они вместо того, чтобы внимательно слушать, постоянно выискивают лазейку с целью вставить абсурдные провокационные комплименты, и невозможно понять, уловили ли они хоть, что-нибудь из сказанного им⁷².

При общении с ними она испытывала скуку, раздражение от бессмысленного времяпрепровождения, пресыщенности славословиями, комплиментами, церемониями и, тем не менее, непреходящий интерес к миру, устроенному по-другому. Эти эмоциональные состояния спаивались с определенными отелесненными ощущениями: там, где на стра-

69 **Letters from Madras.** 1846: 25.

70 **Letters from Madras.** 1846: 24.

71 **Letters from Madras.** 1846: 49.

72 **Letters from Madras.** 1846: 113.

ницах ее писем появлялись раджи, а вместе с ними и скука, часто громко или фоном звучала музыкальная какофония, подобная той, что она слышала на описанном выше вечере, возникали характерные визуальные ряды. Вот как это сплавление чувственного опыта и оценочных суждений происходило в конкретных ситуациях.

27 октября 1837 г. Джулия вместе с мужем ожидала визита раджи.

В назначенный час мы услышали странное брнчание и насвистывание, как от дудки и варгана. Это была мелодия раджи, исполнявшаяся шедшими впереди паланкина музыкантами; затем появились охранники с алебардами, за ними их начальник с серебряной булавой, наконец, придворные, бежавшие по бокам от паланкина, чтобы составить приятную компанию радже... Он был облачен в муслиновый наряд, уши по краям были усеяны драгоценностями, руки украшены браслетами, на шее висел бриллиантовый медальон... После приветственных церемоний он принялся за свою болтовню (*chirp*). Проведя так час, раджа откланялся и удалился, сопровождаемый славословиями, насвистыванием, брнчанием...⁷³.

Вероятно, эти звуки так прочно ассоциировались у нее с раджей, что она дала ему прозвище «Дудочка-рао»⁷⁴ (*Penny-Whistle-row*). В начале декабря они нанесли ему ответный визит с желанием «узнать немного жизни». На улице его города их вновь встречал «оркестр, игравший во всю мощь..., глашатаи, кричавшие их имена и титулы, танцовщицы, исполнявшие свои па по щиколотку в грязи». Все это действие представилось им «запредельно абсурдным» и вместо торжественного настроения вызвало смех. Внутри дворца, который также утопал в грязи, им пришлось аккуратно перебираться по настилам, чтобы не соскользнуть в нее. После утомитель-

73 Letters from Madras. 1846: 62.

74 Рао — гонорифик, обозначение титула, аналогичного радже, характерный для Южной Индии.

ной беседы с раджой им подали на ужин местные «блюда-месива»⁷⁵. Затем они отправились осматривать город в сопровождении дудочек и барабанов.

Посреди всей этой грязи и неудобства то и дело что-то поблескивало: женщины, покрытые узорами с головы до ног, выглядывали из лачуг, мужчины в прекрасных кашемировых шалах выглядели попрошайками на фоне ветоши и грязи⁷⁶.

По возвращении Джулия встретила с женой раджи, которая была «усеяна драгоценностями и золотом с головы до ног». Поначалу, не зная, что делать, она вертелась вокруг своей оси, пока, наконец, *гомашта*⁷⁷ не научил ее поприветствовать Джулию и сесть на стул. Разговор свелся к комплиментам и обсуждению одежды Джулии. Рани крутила ее шляпу на указательном пальце. Привезенные Джулией картины, она рассматривала верх тормашками. Все описание сцены аудиенции выдержано в ироничном и даже насмешливом тоне. Дворец же к вечеру был «залит светом многочисленных факелов, наполнен танцовщицами — излюбленное развлечение в Индии, толпами зрителей и звуками фейерверков». Весь этот сонм впечатлений заставил Джулию именно в этом письме вывести обобщенную формулу «восточной роскоши», которая сочетает в себе «грязь и великолепие, непотребство и пышность». И все это не было похоже на привычный для нее образ жизни. Чета Мэйтлендов оставалась на вечернем представлении, «пока могла вынести жару, грохот и блеск» (курсив мой — С.С.), а затем отправилась в отведенные им комнаты с совершенно иным убранством:

75 **Letters from Madras.** 1846: 63.

76 **Letters from Madras.** 1846: 64.

77 *Гомашта* — в колониальных текстах: слуга, выполнявший функции посредника между британцами и местным населением.

Все было *противоположно* местному укладу... Горели свечи, были разложены чайные принадлежности, книги, набор для рисования, все выглядело *спокойно и удобно, как дома*. Я никогда не видела сцену, столь разительно отличающуюся от той, что мы видели всего минуту назад: все чувства и мысли переменялись мгновенно (курсив мой — С.С.)⁷⁸.

Такие ассоциативные чувственно-эмоциональные цепочки или блоки складывались и по другим поводам. Одурачивающая жара и обманчивый снежный хруст листьев под ногами делали Джулию и всех ее домочадцев «*такими злыми*» («*so cross*»), что они были «способны только жаловаться и брюзжать»⁷⁹. Вонь и гудящие толпы порождали чувство опасности после того, как однажды она с мужем вынуждена была проезжать через пораженный холерой город, наполненный смрадом и тысячами людьми по случаю празднования пушкарама⁸⁰.

Сложившиеся еще в Англии представления об Индии и индийцах, как подвластной территории и низшей расе носили символический, эфемерный характер, так как были направлены на абстрактное чужое. Это были идеологемы, закрепленные в *габитусе* британцев интеллектуальными традициями имперского общества, но не подкрепленные телесными практиками, отсутствовавшими в окружающей среде. В Индии же умозрительный мир обрел специфические формы, запахи, цвета, звуки, вкусы, манеры телесного и эмоционального поведения, отличавшиеся порой крайностями, чрезмерностью и экзальтированностью. Из них складывалась действительность, которая резко отличалась от далеко-

78 **Letters from Madras.** 1846: 65.

79 **Letters from Madras.** 1846: 38.

80 **Letters from Madras.** 1846: 42. Пушкарам — праздник в честь двенадцати индийских рек, соответствующих зодиакальным знакам. Каждая река чествуется раз в 12 лет.

го, понятного и безопасного домашнего пространства и диссонировала с физиологическими привычками⁸¹ приезжавших в колонию новичков. Телесные «потрясения» из-за неприспособленности к новым условиям и привезенные предубеждения против другого способа жизни и образа мыслей взаимно подпитываясь, задавали вектор негативизации эмоций *грифффинов* и их ответных реакций. Определенные звуки, запахи, вкусы, образы, тактильные ощущения ассоциировались с переживаемыми эмоциогенными событиями, окрашенными испугом, страхом, скукой, отвращением, недоверием, растерянностью, изумлением и т.д. Потому и образ чужого приобретал отрицательные коннотации, что было следствием дезадаптированных практик.

Хотя *габитус* единичен, а процесс его детерминации и структурирования индивидуален, он, тем не менее, подчинен коллективному творчеству. Очевидно, что агенты, сформированные полностью или частично тождественными условиями, обладают схожими *габитусами*. Естественный процесс согласования между объективно скоординированными диспозициями отдельных агентов Бурдьё называл гармонизацией опытов («сходный жизненный опыт придает определенное “лицо” социальному окружению») или гомогенизацией *габитусов*. Порождаемые ими практики становятся взаимопонятными, упорядоченными, целостными, систематическими и предсказуемыми. Воспроизводимые членами одной группы они воспринимаются как очевидные и

81 Этот эффект отставания или запаздывания перенастройки габитуса Бурдьё определял термином *гистерезис*. Бурдьё. 2001: 116, 121. Российский исследователь его интеллектуального наследия Н.А. Шматко так разъясняет это положение Бурдьё: какое-то время после того, как социальные отношения изменились (или агент занял другую позицию в них), агент по-прежнему воспроизводит старые социальные отношения, продуктом которых является его габитус. Шматко. 1998: 64.

сами собой разумеющиеся⁸². Новички, попадавшие из относительно одинаковых условий в Англии в другие относительно одинаковые условия в Индии, судя по всему, проявляли свою дезадаптированность схожим образом, чем и заслужили групповое прозвище *гриффины*. Это было промежуточное состояние, уже рассогласованное с прежним опытом, но еще не согласованное с новым. Описанное Джулией распознавание другого мира было не чем иным, как запущенным процессом адаптации, приноравливания *габитуса* к нему. Этот мир был представлен разными социальными группами — *гриффинам* предстояло гармонизироваться с одной из них.

Гриффины и англо-индийцы

Прозвище *гриффины* новички-колонизаторы получили не от местного населения, а от своих соотечественников, прибывших в Индию раньше них. Если письма Джулии Мэйтлэнд и другие подобные нарративы дают представления о реакциях *гриффинов* на индийский мир, то подспорьем в понимании их взаимоотношений с англо-индийцами может послужить упомянутая в начале статьи поэма «Гриффин Том Роу». Читатель смотрит на Тома глазами анонимного автора — чиновника и офицера на бенгальской службе, во всех подробностях представлявшего жизнь в Индии, и именно разительный контраст между главным героем и местным английским сообществом становится источником сюжетных поворотов поэмы.

В частности, диссонанс с непривычным миром проявлялся в телесной неуклюжести и отсутствии рефлекторных навыков некоторых движений. Уже упоминавшаяся Моник

82 Бурдьё. 2001: 112–116.

Шеер в соавторстве с Паскалем Айтлером объясняли этот феномен вписанностью человеческого тела в ту или иную культуру:

От способностей, ограниченных возможностей или привычек, особенно усвоенных неосознанно или приобретенных сознательно путем долгих усилий, очень трудно избавиться, они буквально встроены в наше тело — в виде укороченных сухожилий, которые уже не позволяют нам легко занять и сохранять ту или иную позу при сидении; в виде повышенного кровяного давления или внезапного обморока, в виде сердцебиения или слезотечения⁸³.

Одна из первых сцен описывает тщетные попытки Тома Роу сесть в паланкин — традиционное средство передвижения британцев и богатых индийцев в колонии:

“Масса⁸⁴ иметь палкхи⁸⁵?” — “Что это значит, черт возьми?”
Рам-Джонни⁸⁶, исчезнув на минуту, прибыл с палкхи...
Возникла новая дилемма; Том не знал,
Как поместить себя в сей странный, длинный агрегат;
Закинув ногу, он проскочил его насквозь,
Попутно растянув спинной хребет;
Носильщики, в предвкушение платы, рванули с места,
Заставив нашего героя скакать по-крабьи боком,
Пока он воплями их не остановил.
Наконец, взобравшись, сильно ушибив макушку⁸⁷ (Илл. 3)

В другой раз уже в *мофуссиле*⁸⁸ по приглашению мистера Б., старейшего резидента⁸⁹ он оказался впервые на *дарба-*

83 Eitler, Scheer. 2009: 285 (цит. по: Плампер. 2018: 224).

84 Масса — искаженное от мистер, господин.

85 Палкхи — паланкин, носилки.

86 Слуга, нанятый Томом Роу в порту.

87 Tom Raw, the Griffin. 1828: 28. Процесс посадки в паланкин и передвижения в нем был постоянным источником карикатурных зарисовок и курьезных описаний в английских нарративах на протяжении всего XIX в.

88 Мофуссил — в Британской Индии: местность за пределами столицы (Калькутты)/дистриктного центра, сельская глубинка.

89 В данном случае имеется в виду административная должность главы мофуссила.

ре⁹⁰ у бенгальского *наваба*⁹¹, где демонстрировал не только неадекватность реакций, но и привезенные предрассудки. К радже они поехали в экипаже 1795 г. постройки, запряженном четырьмя тощими лошадьми и управляемом столь же тощим возницей, в сопровождении свиты на оголодавших *тату*⁹². Члены свиты были одеты в красные, выдавшие виды мундиры, жокейские шапочки, с которых свисали коровьи хвосты, касавшиеся засаленных штанов и полуоткрытых ботинок, из которых торчали пальцы. Эта сцена показалась Тому нелепой и комичной, и он едва удержался от смеха⁹³. А на самом *дарбаре* произошло следующее событие:

Том был представлен — наваб направился к нему,
 Чтобы, как принято, по-братски заключить в объятия;
 Однако Том, отпрянул в страхе прочь,
 Сочтя приветствие пренеприятным.
 Наваб таким чудачеством немало удивлен,
 В изумленье глядел на нашего героя,
 Который, сопротивляясь князю, стал кричать.

 “Мне? Обниматься с мерзким типом? Прошу, увольте”.
 Том вопил: “Повесьте лучше, чем стану я терпеть бесчестье;
 И если слово он еще произнесет,
 О, Боже, я плюну в черное, негодное его лицо!”

Мистер Б., который отправился на *дарбар*, чтобы не «не раздражать Его высочество и потакать капризам двора», не найдя ничего предосудительного в форме приветствия, призвал Тома «к смиренью и уваженью к месту, просил учесть последствия неосмотрительных поступков».

“Нет, — роптал наш Том, — я не того происхождения,
 Чтобы меня лобзали местные князья,

90 *Дарбар* — двор правителя, торжественный прием при дворе.

91 *Наваб* — правитель, наместник, титул мусульманского феодала.

92 *Тату* — индийский пони.

93 *Tom Raw, the Griffin*. 1828: 203–204.

Хотя бы вся его одежда блестела, золотом покрыта”.
Так кончился дарбар, и Том поклялся многократно,
Что к местной знати он больше не ходок⁹⁴.

Эти и много других примеров свидетельствовали о том, что характерное для *гриффинов* удивленное округление глаз и губ вызывал не только мир местного индийского населения, но едва ли не в той же степени и их соотечественников, которых они с трудом узнавали. Сцены, построенные на противопоставлении, давали представление не только о *гриффинах*, но выписывали усредненный образ англо-индийцев. Автор поэмы предупреждал читателей:

Мы выбрали нашего героя из того класса молодых людей, которые являются украшением воинской профессии, и если мы и изобразили его в карикатурном виде, то с единственной целью — показать курьезность тех затруднительных положений, в которых он оказался... Все, что мы хотим, это дать истинное представление о некоторых ситуациях, манерах и обычаях страны, которая так мало знакома нам⁹⁵.

Последние по-другому двигались, приспособившись к паланкинам, слонам, ослам, пони и т.д. Со временем они находили ставший привычным паланкин одним из лучших и наиболее удобных для тела средств передвижения, что зафиксировано во многих колониальных текстах. Та же Джулия Мэйтлэнд, отказавшись взбираться на слона, предпочла отправиться на осмотр сада раджи Дудочки-рао в уже ставшем привычным паланкине (дело происходило спустя год после прибытия в Индию), позволив слону вышагивал впереди⁹⁶ (Илл. 4).

94 Tom Raw, the Griffin. 1828: 205–206.

95 Tom Raw, the Griffin. 1828: vi.

96 Letters from Madras. 1846: 65.

Англо-индийцы, пристрастившись к местной пряной кухне и курению кальяна — хуки, иначе пахли. С Томом то и дело случались спазмы и приступы кашля в окружении курящих хуку англичан⁹⁷. Он различал дурной запах изо рта жены его покровителя⁹⁸.

Кроме того, британцы в колонии непривычно звучали. Не понимая и удивляясь ломаному английскому, на котором к ним обращались индийцы⁹⁹, *гриффины* скоро обнаруживали, что и англичане говорили на таком же искаженном наречии. Примеры коверканных фраз, которые Том слышал на балах, охоте, обедах, неоднократно появляются в тексте поэмы: «Кэрапит, старик умеренного нрава, вступил с ним разговор: “Он был богат” (*He vas rish*)»¹⁰⁰. На это же с отчаянием обращала внимание Джулия Мэйтлэнд:

Жаргон, на котором разговаривают англичане с местными, совершенно абсурден. Я называю его компанейским английским (*John Company's English*), что страшно оскорбляет миссис Стаунтон. Он кажется настолько детским и глупым, что я все еще не могу заставить себя использовать его; но я полагаю, что со временем должна буду, так как королевский английский (*King's English*) является характерной чертой гриффинства, и слуги, кажется не в состоянии понять простейшие приказания, пока они не переведены на тарабарский¹⁰¹.

В этом же пассаже она отмечала еще одну черту *гриффинста*:

Индийцы очень раздражают, они ведут себя, будто они грязь под нашими ногами, и мы даем им основания считать, что так к ним относимся. Их раболепство непозволительно, но грубость и пре-

97 Tom Raw, the Griffin. 1828: 44.

98 Tom Raw, the Griffin. 1828: 41.

99 Tom Raw, the Griffin. 1828: 27, 29.

100 Tom Raw, the Griffin. 1828: 148.

101 Letters from Madras. 1846: 21.

зрение, которые англичане проявляют к ним — весьма прискорбное зрелище. Вежливость (*civility*) к слугам — особо заметная черта гриффинов. Однажды я сказала своей айе: “Айя, будь любезна, принеси мне стакан воды и тост”. Она двинулась к двери, а затем вернулась в растерянности и спросила: “Что мадам сказала? ... Воду и тост я знаю, а будь любезна — не поняла”. Полагаю, что она никогда не слышала такой фразы, адресованной к ней¹⁰².

Невоздержанность в выражениях отмечал и автор поэмы о Томе Роу. Он описывал полусонного капитана *бадгероу*¹⁰³, который:

беднягу-боцмана вверх в трепет,
В ухо проорав “Hum peet ke chumbra nicklounga”,
Что значит: “С твоей спины сдеру я кожу”,
Что джентльмен английский не должен говорить
Ни на индийском, ни родном наречии.

К стыду скажу, что наша молодежь
Употребляет брань к нижестоящим,
Едва ли понимая смысл оскорбления для местных...
Нет, чтоб плутом иль дураком назвать,
Или избрать, черт подери, другое мягкое словцо,
Они в ущерб религиозным чувствам
Наружу тащат непотребство, как то: “Прочь, свинья”¹⁰⁴.

Наконец, англо-индийцы были заметно медлительнее, ленивее и неповоротливее, чем новички. Том Роу маялся в ожидании неспешных аудиенций у покровителей¹⁰⁵. Заметную нетерпеливость проявляла Джулия Мэйтлэнд, которая писала в письме:

Независимо от числа слуг, все они чудовищно медлительны. Я часто утомляюсь, обслуживая себя сама, чтобы не ждать, пока они будут канителиться. Но миссис Стаунтон смеется надо мной, назы-

102 **Letters from Madras.** 1846: 20.

103 *Бадгероу* — тяжело двигающаяся, бескилевая баржа, две трети кормы которой заняты каютами. Широко применялась на Ганге.

104 **Tom Raw, the Griffin.** 1828: 201.

105 **Tom Raw, the Griffin.** 1828: 31–33.

вает меня “гриффином” и говорит, что я должна выучиться терпению и беречь силы. Настоящие индийские леди лежат на кушетках и при падении носового платка тихим голосом зовут “Бой!”, после чего в комнату, еле передвигая ноги, прокрадывается старый, высохший, худой темнокожий человек, похожий на вышедшую из употребления шпагатную бумагу, крутится вокруг недолго и мягко, подобно черному коту уходит обратно, садится, скрестив ноги, на веранде в ожидании следующего зова хозяйки¹⁰⁶.

Англо-индийцы перенимали манеры индийской знати: «Некоторые старые англо-индийцы считают себя слишком важными, чтобы пойти на прогулку в свой сад без сопровождения слуг, следующими позади», — писала Джулия¹⁰⁷. Знаменательна в этом отношении и первая встреча Тома Роу с мистером Б. на пороге его дома, экипаж которого вызвал у Тома смех:

О том, что хозяин дома близко, Том узнал по звону серебра.
Из недр святилища — Том посторонился —
Вся в сиянии показалась свита,
При виде англо-азиатского убранства Том онемел.
Ни принц наследный, ни король на сцене театра
Не мог бы с большей важностью ступить¹⁰⁸.

А подавить смех при виде экипажа мистера Б., Тома заставила последовавшая церемония приветствия резидента при дворе набоба: многочисленные слуги начали перечислять все его восточные титулы «в азиатском порядке», которые «могли быть сведены к одному слову — Джахангир¹⁰⁹».

Из таких элементов эмоциональных, чувственных, кинестетических практик складывалась поведенческая норма англо-индийцев. С усвоением запахов, звуков, темпов жизни в колонии, то есть в процессе интериоризации и инкорпора-

106 *Letters from Madras*. 1846: 19.

107 *Letters from Madras*. 1846: 25.

108 *Tom Raw, the Griffin*. 1828: 202.

109 *Tom Raw, the Griffin*. 1828: 204. Джахангир (1605–1627) — могольский падишах.

ции другой социальной действительности происходила перенастройка или гармонизация их *габитуса*, который начал продуцировать вновь усвоенные практики. Присущие ему «устойчивые манеры держаться, говорить, ходить» являлись отражением уже иной реальности. *Габитус* приезжавших в колонию британцев индианизировался, превращая их в англо-индийцев, а поначалу ругаемая эмоциональная избыточность, медлительность и другие черты местного населения в процессе адаптации во многом оказались присущими им самим. Поэтому англо-индийское сообщество имело не слишком привлекательный образ для *грифффинов* и поначалу вызывало отторжение и неприязнь, о чем многократно писала Д. Мэйтлэнд. Однако именно в эту группу предстояло влиться неопитам.

П. Бурдье не был открывателем идеи эмоциональной солидарности представителей той или иной социальной группы. Одним из первых на это обратил внимание французский историк, один из основателей школы «Анналов» Люсьен Февр в статье 1941 г. «Чувствительность и история». Он отмечал, что эмоции¹¹⁰ «составляют часть взаимосвязей между людьми, часть общественных отношений»¹¹¹. По его мнению, особым свойством эмоций, которое делает их феноменом социального мира, является *заразительность*¹¹². Объясняя механизм заражения, Февр писал:

эмоции зарождаются, бесспорно, в сокровенных органических недрах данной личности, нередко под влиянием события, которое только ее и касается, или по меньшей мере касается особенно

110 При этом Февр отличал эмоции от «автоматических реакций организма на раздражения внешнего мира, полагая, что первые «проистекают из иных источников органической жизни». Февр. 1991: 111.

111 Февр. 1991: 111.

112 Февр. 1991: 111.

ощутимо, особенно остро. Но выражение их есть результат целого ряда опытов совместного существования, результат схожих и одновременных реакций на потрясения, вызванные схожими ситуациями и контактами; оно является, так сказать, плодом такого слияния, такого взаимопоглощения разнородных чувств, что они тут же обретают способность вызывать у всех присутствующих, посредством некой мимической заразительности, эмоционально-моторный комплекс, соответствующий событию, пережитому и прочувствованному одним индивидуумом¹¹³.

В дальнейшем идею сходства эмоционального поведения индивидов развивала американский историк Барбара Розенвейн, предложившая термин *эмоциональное сообщество*. Она считает, что такие сообщества «институционально сродни социальным группам — это могут быть семьи, односельчане, синдикаты, академические институты, монастырские общины, фабричные коллективы, княжеские дворы. Однако исследователь, изучающий их, прежде всего, пытается вскрыть системы чувств, установить, что каждое из таких сообществ (и индивидов внутри них) определяет как ценное или болезненное (то есть то, по поводу чего люди и выражают свои эмоции), какова природа аффективных связей внутри сообщества, каковы способы эмоциональных проявлений, которые они ожидают, поощряют, терпят или отвергают»¹¹⁴. Эти сообщества быть могут маленькими и большими вплоть до андерсоновских воображенных, т.е. целых наций¹¹⁵.

Обнаружив в эмоциях свойство заразительности, исследователи обратили внимание, на то обстоятельство, что процесс их диффузии в обществе отнюдь не бесконтролен. Американский историк и антрополог Уильям Редди ввел по-

113 Февр. 1991: 111. О вкладе Л. Февра в изучение истории эмоций см. Rosenwein. 2002a: 1–3; Плампер. 2018: 65–97.

114 Rosenwein. 2002a: 14, Rosenwein. 2010: 11.

115 Rosenwein. 2010: 10.

нятие *эмотива* для обозначения словесного эмоционального высказывания, которое сочетает в себе константив, когда описывается состояние (мне грустно) и перформатив, когда с помощью подобного высказывания интенсифицируется одно или несколько чувств за счет ослабления или модификации других¹¹⁶. Анализируя политическую или социальную значимость эмоционального высказывания, Редди пришел к утверждению, что «человеческие сообщества (*communities*) жизненно заинтересованы в том, как люди обычно используют эмотивы» и пояснил:

В этнографических и исторических исследованиях по эмоциям есть много свидетельств того, что каждое сообщество формирует эмоциональные идеалы и нормы и прививает их через эмоциональные ритуалы, формулы, молитвы, клятвы и т.д.¹¹⁷

Он называет их *нормативными эмотивами*, которые часто повторяются и используются так, что приобретают способность корректировать то, как люди чувствуют. Предписанные *эмотивы* создают так называемые *эмоциональные режимы*¹¹⁸.

Набор нормативных эмоций, официальных ритуалов и практик, а также эмотивов, которые выражают и насаждают их, являются подпорками любого стабильного политического режима¹¹⁹.

116 Термин *эмотив* подвергался критике за «лингвистический империализм», так как ограничивался вербальным высказыванием и не охватывал невербальные телесные практики, такие как смех или плач. О неоправданной привилегии слов по сравнению с другими формами эмоционального поведения писала Барбара Розенвейн в рецензии на книгу У.Редди «Навигация чувств» (Rosenwein. 2002b, Reddy. 2001). Но для настоящей статьи, использование понятия *эмотив* вполне уместно.

117 Plamper. 2010: 240.

118 Подробно концепция *эмотивов* и *эмоциональных режимов* изложена в Reddy. 2001.

119 Reddy. 2001: 129.

Л. Февр, занимавшийся исследованием намного раньше, оперировал понятием «система», существенным признаком которой считал «полезность». Последняя выражается в том, что «согласованность и одновременность эмоциональных реакций группы людей обеспечивает данной группе относительно бóльшую безопасность и силу»¹²⁰. Следуя этой логике, единообразный эмоциональный поведенческий стиль англо-индийцев выполнял функции сохранения стабильности, сплоченности и слаженности действий внутри их немногочисленного сообщества. И демонстрируемая *гриффинами* инаковость была нежелательна. Им следовало слиться с коллективом, как можно скорее выйти из состояния неуверенности, застигнутости врасплох, то есть усвоить новый кодекс поведения.

Разницу между рождением в какой-то среде и вхождением в новую П. Бурдьё считал аналогичной той, что пролегал между «усвоением родного языка и изучением иностранного»¹²¹. Для второго действия необходима «педагогическая работа» и «воспитательное воздействие»¹²². Овладение новыми правилами, по Бурдьё, возможно только на практике. Моник Шеер с опорой на эту концепцию предложила теорию эмоциональных практик, под которыми понимает «манипуляции тела и ума с целью либо вызвать чувства там, где их нет, либо сгруппировать неорганизованные побуждения и придать ему понятную форму, либо изменить или устранить уже возникшие эмоции»¹²³. Таких практик она выделяет четыре: *мобилизация (mobilizing), называние*

120 Февр. 1991: 112.

121 Бурдьё. 2001: 130.

122 Бурдьё. 2001: 143.

123 Scheer. 2012: 209.

(*naming*), коммуникация (*communicating*), регулирование (*regulating*). Используемые в этой статье два нарратива дают представление о некоторых механизмах подталкивания и принуждения к эмоциональному согласию.

То, что Шеер подразумевала под практикой *называния*, очень близко соотносится с концепцией *эмотивов* Редди, хотя ими и не ограничивается. В отличие от Редди, концентрировавшемся на словесных речевых актах, Шеер считает необходимым дополнительно «включать в поле исследования язык, оперирующий телесными категориями: “биться в истерике”, “дрожь в голосе”, “сдерживаемый гнев”, “лишиться чувств от стыда”»¹²⁴. В письмах Джулии Мэйтлэнд эмоции и телесные чувствования фиксируются в виде письменных высказываний, их именование предполагает означивание, наделение понятным смыслом. Как пишет Шеер, «подобно снежинкам каждая эмоция уникальна и попадает в какую-нибудь категорию, т.е. типологизируется, только посредством называния»¹²⁵. Представленные в первой части статьи довольно подробные выдержки из писем Джулии, содержавшие описание и атрибутирование ею самой своих переживаний, и относятся к такой деятельности. Через их называние и повторение происходило самонавязывание аффективного состояния, закладывание информации в эмоциональную память и программирование стереотипов реакций. Взятые сами по себе письма Джулии Мэйтлэнд не дают представления о воздействии употребляемых ею *эмотивов* на окружающих людей или используемых другими людьми на нее. Но анализ дополнительных источников подтверждает, что схожие обозначения эмоций циркулировали из текста в текст разных авторов, превращая

124 Плампер. 2018: 439.

125 Scheer. 2012: 213.

индивидуальное чувствование в типовое отношение к незнакомой индийской действительности¹²⁶.

Поэма «Гриффин Том Роу» дает примеры других способов вовлечения *гриффинов* в англо-индийское эмоциональное сообщество. Помимо зарисовок английского образа жизни и быта в Индии, поэма имеет еще одну функцию. Выставляя Тома Роу на посмешище англо-индийского сообщества, рассказчик в каждом эпизоде создает для него ситуацию дискомфорта, нарочито демонстрирует непохожесть героя на местную публику. Через высмеивание автор побуждает его к изменению поведения. Можно сказать, что он с помощью зрителей производит те самые «манипуляции над его телом и разумом с целью вызвать чувства, которых еще нет, и устранить другие, нежелательные». Сама поэма — обращение ко всем прибывающим в Индию и соответственно направленная на них манипуляция через литературный текст. Редди называет этот процесс «эмоциональным менеджментом», а Моник Шеер классифицирует такого рода практику, как *мобилизацию*. Она поясняет:

Присутствие других людей, толпа, громко выражающая эмоции, или музыка, выбранная кем-то другим, стимулируют в нас определенное чувство ... Эмоциональные практики, конечно, могут осуществляться сами по себе, но часто они встроены в социальное окружение. В этих практиках участвуют тела других людей, которые посредством их созерцания порождают определенные чувства¹²⁷.

126 См., напр., **Сидорова**. 2018.

127 **Scheer**. 2012: 209, 211. Похожее объяснение находим и у Бурдьё: «Внимание, направленное на инсценировку больших коллективных церемоний... питается не только стремлением придать торжественный вид группе, но еще и... желанием, безусловно более неявным, упорядочить мысли и *внушить* чувства при помощи строгой упорядоченности практик, установленного положения тел и, в частности, телесных выражений симпатии в форме смеха или слез». **Бурдьё**. 2001: 134.

Одновременно происходило распознавание/чтение «эмоций на лицах, в жестах, голосовых интонациях, телесных позах или манифестациях, таких как слезы, изменение цвета кожи, сбой дыхания и т.д.»¹²⁸. Такой обмен эмоциональными сигналами Шеер относит к еще одной категории практик — *коммуникации*, хотя грань между ней и *мобилизацией*, на мой взгляд, не всегда очевидна и трудно определима (Илл. 5)

Для изучения эмоционального репертуара англо-индийцев, судя по колониальным текстам, использовался, образно выражаясь, институт тьюторства. Тому Роу в помощь дается «наставник», который погружает его в гущу «разумных тел». В самом начале рядом с ним появляется скучающий и зевающий приятель Рэнди, который за несколько недель протаскивает его через все типичные для колонии жизненные ситуации, как бы проводя своеобразный обряд инициации. Роу обзаводится важными знакомствами, посещает балы, где перед ним проходит череда девиц на выданье, участвует в скачках, охоте, розыгрыше лотерейных билетов, присутствует на представлении индийских танцовщиц, выслушивает лекции об индуизме и исламе, обучается езде в паланкинах, на слонах и т.д. Аналогичный опыт в провинции он получал под присмотром мистера Б. В каждом эпизоде он получал пример и постепенно обретал навыки мышечного, интонационного, мимического, экспрессивного поведения путем копирования, подражания, запоминания¹²⁹. Начальный после высадки на берег Индостана этап пребывания в крупном колониальном городе до отбытия в провинцию к месту службы, как правило, проходил по

128 Scheer. 2012: 214.

129 Как отмечал Бурдьё, «имитируются не “модели”, а действия других. Телесный экзис говорит напрямую с моторикой, в качестве схемы поз» Бурдьё. 2001: 143.

заданной схеме и был очень важен для *гриффинов*. Именно в этот момент происходил ускоренный курс их эмоциональной мимикрии. Для Джулии Мэйтленд — таким местом инициации стал Мадрас, где под руководством миссис Стаунтон, она осваивала азы англо-индийства. В определенном смысле тьюторство можно трактовать как вариант регулирующей практики, подразумевающей продуцирование/демонстрацию эмоциональных норм и надзор за их исполнением с последующим наказанием за нарушение. В данном случае в качестве наказания выступает высмеивание и Джулии («Миссис Стаунтон смеется надо мной, называет меня “гриффином”»¹³⁰), и Тома Роу как основного мотива поэмы.

Джулия Мэйтленд весьма чутко понимала свое переходное состояние, включив в одно из писем пассаж по поводу праздника, организованного местным жителем, куда помимо четы Мэйтлендов были приглашены Стаунтоны:

Это было сверх любопытное представление, и я была удивлена, что Стаунтоны, которые так много времени провели в стране, никогда не видели ничего подобного. Просто поразительно, насколько большинство английских леди кажутся равнодушными к обычаям и манерам местных; и это не только потому, что они привыкли ко всему, но и потому, что, по их собственному утверждению, их никогда не беспокоит ничего происходящее вокруг за исключением того, чем они заняты сами. Я лишь могу предположить, что они просто забыли свои первые впечатления. И это заставляет меня стремиться к тому, чтобы попробовать и увидеть все возможное, пока мое очарование Ориентализмом еще свежо и до того, как апатия и безразличие не одолеют меня, что несомненно случится¹³¹.

И в упомянутой фразе о том, что ей придется перейти на компанейский английский звучит ожидание неизбежной необходимости покориться общепринятому. Так и Том Роу

130 *Letters from Madras*. 1846: 19.

131 *Letters from Madras*. 1846: 26.

успешно окончил курс ученичества. На последней иллюстрации поэмы он, прошедший испытания, лишившийся ноги, предстает в благочинной позе, с приятным и приветливым выражением лица без тени удивления, *таким же*, как и другие люди, в окружении которых он изображен. Он мимикрировал, принял облик и перенял «повадки» англо-индийцев, или, используя терминологию этой статьи «заразился» и влился в их эмоциональное сообщество.

Иными словами, адаптацию *грифффинов* можно описать или как эмоциональное привыкание к англо-индийскому сообществу путем усвоения элементов индийского образа жизни, или как привыкание к индийскому миру через включение в англо-индийское сообщество при понимании неразделимости этих процессов. Однако важно отметить, что в ходе аффективного приспособления не происходило включение европейцев в местное индийское сообщество, оно оставалось отделенным от группы англо-индийцев не только в силу естественных непреодолимых различий (в том числе из-за «присутствия прошлого» в *габитусе*), но и намеренного сохранения дистанции между представителями политически и цивилизационно доминирующей иностранной элиты и подвластным, отстающим в развитии местным населением. В эмоциональном плане функцию водораздела выполняли высокомерие и неприязнь первых по отношению ко вторым. Это означало, что купирование и устранение негативной реакции *грифффинов* на англо-индийское сообщество через обретение эмоциональной солидарности не предполагало аналогичного результата по отношению к местному населению. Напротив, отчужденно-высокомерное отношение к нему, которое загодя начинало взращиваться еще на родине, продолжало насаждаться и в Индии. Практики его культивирования были теми же — будь то *называние* собственных ощу-

щений в устной или письменной речи и циркуляция *эмоций*, формировавших типовое отношение к незнакомой индийской действительности, их возгонка в процессе созерцания демонстрируемого англо-индийцами «нецивилизованного», по определению Джулии Мэйтленд, отношения к слугам, или презрительно-насмешливого — к раджам, или взаимного обмена/*коммуницирования* эмоций. Вот в каких выражения, например, описывает автор поэмы местных жителей, которых Том Роу встретил в доме у мистера Б.:

Толстые туземные бабу — нет добрых слов для них —
Нанесли визиты, заставив всех зевать и погрузив в дремоту,
Они рыгали, наполняя воздух зловоньем чеснока, застрявшего в
зубах
Цвета кумача иль смолы, что в их ртах разжвальных виднелись¹³².

В процедуре тренировки чувств и обучения правилам чувствования был определенный рационализм. В колонии эмоциональные практики многочисленного индийского окружения превалировали над английскими, заполняя почти все пространство своими звуками, запахами, выражениями лиц и т.д., непроизвольно заставляя британцев подстраиваться под них. На житейском уровне англо-индийцы это понимали и старались оградить самих себя от усвоения «неправильных» эмоций и включения, растворения среди местных жителей через продуцирование неприязни к ним. Поэтому уместно говорить, что естественный процесс привыкания был, по определению Компацариса, *колонизацией* видимого, слышимого, обоняемого, осязаемого и распробованного на вкус через включение нового чувственного опыта в знакомую систему миропонимания и установления связей между ними для создания представления о чуждо-

132 Tom Raw, the Griffin. 1828: 203.

сти. Настаивая на этом термине, Компацитарис заостряет внимание на том, что «метафора колонизации возможна в контексте уже существующего неравенства отношений», когда «процесс конструирование чужого как такового оборачивается восприятием Другого как зрелища, по сути подтверждающего статус чуждости чуждого». В результате завершение периода *гриффинства* знаменовалось трансформацией первоначального чувства удивления в оценочно нагруженные эмоции, как правило, негативного свойства — высокомерия, брезгливости, надменности и взрослой снисходительности по отношению к местным, как к неразумным детям.

Неприязнь была той «полезной» эмоцией, которая выполняла охранительную функцию, обеспечивая единство и обособленность малочисленного англо-индийского сообщества, оберегая его внутреннюю целостность и стабильность, создавая и поддерживая ситуацию внешнего равновесия между своим и чужим и даже обеспечивая инструментом демонстрации цивилизационного превосходства и легитимируя право контроля и вразумления. Прочерчивая границы отчужденности между двумя мирами, европейцы избегали растворения в многомиллионном местном населении. В то же время в новых условиях происходила перенастройка *габитуса* британцев. В результате неприязнь, обладающая центробежным потенциалом, нацеленная на отдаление своего сообщества от чужого, экспозиционировалась способами, заимствованными у этих чужаков: громко, по-английски неграмотно, медленно, несдержанно. Представляется, что усвоенные элементы восточной эмоциональности не давали европейской общине закапсулироваться и оказаться в полной изоляции. Напротив, индианизированные способы экстериоризации протягивали мости-

ки, соединявшие оба сообщества, создавали каналы для установления чувственного, мимического, кинестетического взаимопонимания между двумя мирами. В этой зоне контакта и сформировался гибридный англо-индийский эмоциональный стиль.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Letters from Madras. 1846 — Letters from Madras during the years 1836–1839. By a Lady. L.: John Murray. 1846.

Tom Raw, the Griffin. 1828 — Tom Raw, the Griffin: A Burlesque Poem, In Twelve Cantos: Illustrated By Twenty-Five Engravings, Descriptive Of the Adventures Of a Cadet In the East India Company's Service, From the Period of His Quitting England to His Obtaining a Staff Situation in India. By a Civilian and an Officer On the Bengal Establishment. L.: Printed For R. Ackermann. 1828.

ЛИТЕРАТУРА

Бурдьё. 1994 — Бурдьё П. Начала / Пер. с фр.: Шматко Н.А. М., 1994. http://bourdieu.name/content/fieldwork-philosophy#_edn1.

Бурдьё. 2001 — Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: Бикбов А.Т., Вознесенская К.Д., Зенкин С.Н., Шматко Н.А.; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. СПб., 2001.

Компациарис. 2017 — Компациарис П. Колонизация чуждого звука: концептуальная эстетика и покорение звукового Другого // Новое литературное обозрение. 2017. Вып.148. <https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe-obozrenie/148-nlo-6-2017/article/19349/>.

Плампер. 2018 — Плампер Я. *История эмоций*. М., 2018.

Рыкин. 2001 — Рыкин П.О. От моделей к стратегиям: Пьер Бурдьё и его вклад в этнологическую теорию. // Этнографическое обозрение. 2007. Вып. 4. С. 3-15.

Сидорова. 2010 — Сидорова С.Е. К вопросу о постановке начального образования в Индии XIX в. // «В России надо жить долго...»: памяти К.А. Антоновой (1910–2007) / под ред. Л.Б.Алаева, Т.Н. Загородниковой. М., 2010.

Сидорова. 2018 — Сидорова С.Е. Опиум в молоке и брань на языке: недоверие и страх в английских детских колониальной Индии XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2018. Т. 9. Вып. 10: Конфликты и обманы в обществах эпохи Средневековья и Нового времени / Отв. ред. О.И. Тогоева, П.Ю. Уваров. <https://history.jes.su/index.php?dispatch=issues.archive>

Февр. 1991 — Февр Л. Чувствительность и история // Февр Люсьен. *Бои за историю*. М.: Наука. С.109-126.

Шматко. 1998 — Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I, № 2. С. 60–70.

Eitler, Scheer. 2009 — Eitler P., Scheer M. Emotionengeschichte als Körpergeschichte: Eine heuristische Perspektive auf religiöse Konversionen im 19. Und 20. Jahrhundert // Geschichte und Gesellschaft. 2009. Bd. 35/2. S. 282–313.

MacDonald. 2002 — MacDonald S. The Witches of Fife: Witch-Hunting in a Scottish Shire, 1560–1710. East Linton, 2002.

Pernau. 2014 — Pernau M. Civility and Barbarism: Emotions as Criteria of Difference // Frevert U. et al. (eds). Emotional Lexicons: Continuity and Change in the Vocabulary of Feeling, 1700–2000. Oxford, 2014.

Plamper. 2010 — Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // History and Theory. 2010. Vol. 49. P. 273-265.

Price. 2004 — Price A. Introduction // Maitland J. Letters from Madras during the years 1836–1839. Oxford, 2004.

Reddy. 2001 — Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for a History of Emotions. Cambridge, 2001.

Rosenwein. 2002a — Rosenwein B. H. Review: Reddy W.M. The Navigation of Feeling // American Historical Review. 2002. Vol.107. P. 1181.

Rosenwein. 2002b — Rosenwein B. H. Worrying about Emotions in History // American Historical Review. 2002. Vol. 107. P. 821–845. <http://www.rmoa.unina.it/1124/1/RM-Rosenwei-Emotions.pdf>.

Rosenwein. 2010 — Rosenwein B. H. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context: Journal of the History and Philosophy of the Emotions. 1/1 https://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf.

Scheer. 2012 — Scheer M. Are Emotions a Kind of Practice (and Is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // History and Theory. 2012. Vol. 51. P. 193-220.

Tayler. 1881 — Tayler W. Thirty-eight Years in- India. From Jagannath to the Himalaya Mountains. Vol. I. L.: W.H. Allen and Co.

Yule, Burnell. 1996 — Yule H., Burnell A.C. Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary. Great Britain: Mackeys of Chatham.

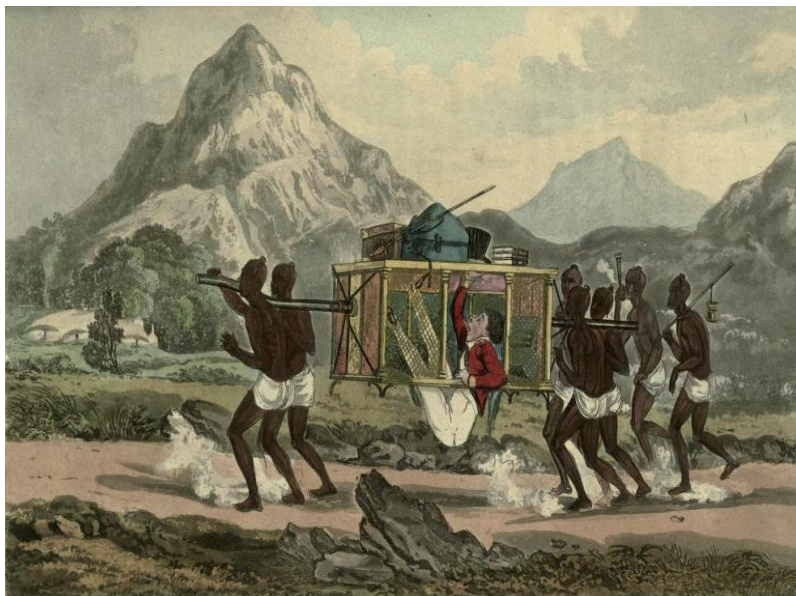
Иллюстрации

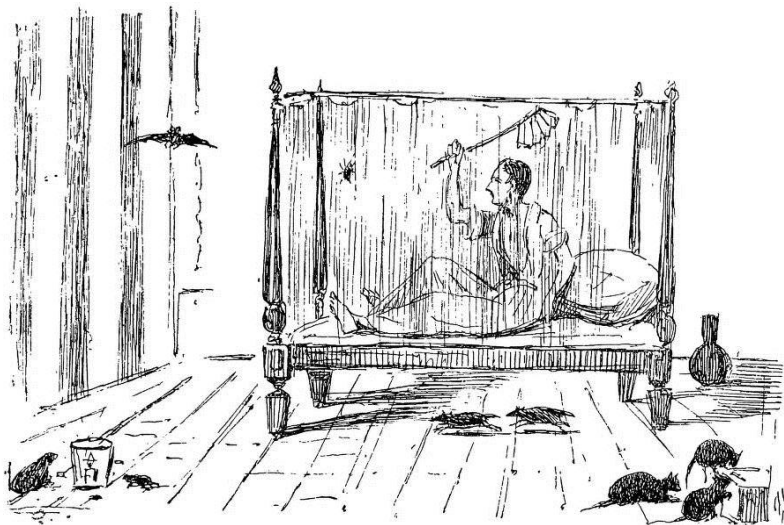
Илл. 1 Зарисовка из книги Tayler. 1881, vol. I: 159.

Илл. 2 Зарисовка из книги **Tayler**. 1881, vol. I: 94.

Илл. 3 Том Роу по пути из Калькутты в провинцию
(рис. из книги Tom Raw, the Griffin. 1828: 256).

Илл. 4 Зарисовка из книги Tayler. 1881, vol. I: 325.

Илл. 5 Том Роу впервые взбирается на слона
(рис. из книги Tom Raw, the Griffin. 1828: 214).